

**Документ Смешанной международной комиссии
по богословскому диалогу
между Православной и Католической Церквами
«Экклезиологические и канонические последствия
сакраментальной природы Церкви»**

Равенна, 13 октября 2007 г.

Введение

1. «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17,21). Мы благодарим триединого Бога, Который собрал нас – членов Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Римско-Католической Церковью и Православной Церковью, – чтобы мы вместе ответили в послушании на эту молитву Иисуса. Мы осознаём, что наш диалог возобновляется в мире, который сильно изменился за последнее время. Процессы секуляризации и глобализации и тот вызов, каким стали для нас новые встречи между христианами и приверженцами других религий, требуют, вновь и настоятельно, чтобы ученики Христа свидетельствовали о своей вере, любви и надежде. Дух воскресшего Господа да позволит нашим сердцам и умам принести плоды единства в отношениях между нашими Церквами, чтобы мы вместе служили единству и миру всей человеческой семьи. Да поможет нам Тот же Дух полностью выразить тайну церковного общения, которую мы благодарно воспринимаем как чудесный дар Бога миру; красота этой тайны сияет прежде всего в святости святых, к которой все призваны.

2. Следуя плану, утвержденному на первой встрече на Родосе в 1980 г., Смешанная комиссия начала с обращения к тайне церковного единства (κοινωνία) в свете тайны Святой Троицы и евхаристии. Это позволило глубже понять церковное единство, как на уровне местной общины, собранной вокруг епископа, так и на уровне отношений между епископами и между местными Церквами, каждую из которых епископ возглавляет в единстве с Единой Церковью Божией, простертой во вселенной (ср. Мюнхенский документ, 1982 г.). Чтобы прояснить природу единства, Смешанная комиссия подчеркнула взаимоотношения между верой, таинствами – особенно тремя таинствами христианского посвящения – и единством Церкви (ср. Барийский документ, 1987 г.). Затем, изучив таинство священства в сакраментальной

структуре Церкви, комиссия четко очертила роль апостольского преемства, гарантирующего койнонию всей Церкви и неразрывную связь с апостолами во всякое время и во всяком месте (ср. Валамо, 1988 г.). С 1990 по 2000 г. главным предметом обсуждения комиссии было «униатство» (Баламанд, 1993 г.; Балтимор, 2000 г.); к этой теме мы еще вернемся в близком будущем. А теперь мы рассмотрим вопрос, поднятый в конце Валамского документа, и поразмышляем о церковном единстве, соборности и власти.

3. На основе этих общих исповеданий нашей веры, мы должны теперь описать экклезиологические и канонические последствия, вытекающие из сакраментальной природы Церкви. Поскольку евхаристия, в свете тринитарной тайны, представляет собой критерий церковной жизни вообще, как институциональные структуры отражают видимым образом тайну этого единства? Поскольку единая и святая Церковь представлена в каждой местной Церкви, совершающей евхаристию, и одновременно в койнонии всех Церквей, как в жизни Церквей проявляется эта сакраментальная структура?

4. Единство и множественность, взаимоотношения между единой Церковью и многими местными Церквями – взаимоотношения, составляющие Церковь, – ставят и вопрос об отношениях между властью, присущей каждому церковному институту, и соборностью, вытекающей из тайны Церкви как единства. Поскольку термины «власть» и «соборность» очень многозначны, мы прежде всего поясним, как мы их понимаем.[1]

I. Основы соборности и власти

1. Соборность

5. Термин «соборность» или «синодальность» происходит от слова «собор» (synodos по-гречески, concilium по латыни), которое во-первых обозначает собрание епископов, несущих какую-либо особую ответственность. Однако можно применять этот термин и в более широком смысле, ко всем членам Церкви (ср. русский термин «соборность»). Итак, в первую очередь мы будем говорить о соборности, имея в виду, что каждый член Тела Христова, в силу крещения, занимает свое место и несет определенную ответственность в евхаристической койнонии (так по-гречески, communio по латыни). Соборность отражает тринитарную тайну и в ней обретает свое окончательное основание. Три лица Святой Троицы «перечисляются», как

говорит св. Василий Великий (О Святом Духе, 45) без таких обозначений, как «второе» или «третье лицо», что означало бы умаление или субординацию. Подобным же образом, существует порядок (taxis) перечисления местных Церквей, который, однако, не подразумевает неравенства в их церковной природе.

6. Евхаристия являет тринитарную койнонию, актуализированную в верных как органичное единство нескольких членов, каждый из которых обладает харизмой, несет определенное служение, и эти служения в их многообразии необходимы для устроения всех в едином церковном Теле Христа (ср. 1 Кор 12,4-30). Все призваны, задействованы и несут ответственность – каждый по-своему и все по-настоящему, – участвуя в общем совершении действий, которые, через Святого Духа, осуществляют в Церкви служение Христа, а Он есть «путь и истина и жизнь» (Ин 14,6). Так тайна спасительной койнонии с Пресвятой Троицей реализуется в человечестве.

7. Вся община и каждый человек в ней обладают «чувством/сознанием Церкви» (ekklesiastike syneidesis), как называет его греческое богословие; в латинской терминологии это *sensus fidelium*. В силу крещения и миропомазания каждый член Церкви наделен некой властью в Теле Христовом. В этом смысле все верные (а не только епископы) ответственны за веру, исповеданную при их крещении. Наше общее учение гласит, что народ Божий, получивший « помазание от Святого » (1 Ин 2,20 и 27), в единстве с пастырями, не может заблуждаться в вопросах веры (ср. Ин 16,13).

8. Провозглашая веру Церкви и разъясняя нормы христианского поведения, епископы, по божественному установлению, выполняют особое задание. «Как преемники апостолов, епископы отвечают за единство в апостольской вере и за верность требованиям жизни, сообразной Евангелию» (Валамский документ, 40).

9. Созыв соборов – основной путь, каким реализуется единство епископов (ср. Валамский документ, 52). Ведь «апостольское единство связывает всех епископов, соединяя епископы поместных Церквей с Коллегией апостолов. Они тоже составляют коллегия, укорененную Святым Духом в «раз и навсегда» учрежденной апостольской группе, уникальной свидетельнице веры. Это значит, что они должны не только быть едины в вере, милосердии,

миссии, примирении, но и нести общую ответственность и совместно служить Церкви (Мюнхенский документ, III, 4).

10. Это соборное измерение церковной Церкви принадлежит к ее глубочайшей природе. Иначе говоря, оно основано на воле Христа о Его народе (ср. Мф 18,15-20), хотя его канонические воплощения по необходимости обусловлены историей, а также социальным, политическим и культурным контекстом. Так определяемое, соборное измерение Церкви располагается на трех уровнях церковного единства, местном, региональном и вселенском: местный уровень – это епархия, вверенная епископу; региональный уровень – группа местных Церквей с их епископами, «признающими, кто среди них первый» (Апостольский канон 34); на вселенском уровне первые (protoi) в регионах, вместе со всеми епископами, сотрудничают в той сфере, которая относится к Церкви как целому. И на этом уровне protoi должны определить, кто из них первый.

11. Церковь существует во многих и различных пространствах, в чем и проявляется ее кафоличность. Будучи «кафоличной», она представляет собой живой организм, Тело Христово. Каждая местная Церковь, когда она пребывает в единстве с другими местными Церквями, есть проявление единой и неделимой Церкви Божией. Поэтому быть «кафоличным» значит быть в единстве с Церковью, которая одна во все времена и повсюду. Вот почему разрыв евхаристического общения повреждает одну из важнейших характеристик Церкви, ее кафоличность.

2. Власть

12. Говоря о власти, мы имеем в виду *exousia*, как она описана в Новом Завете. Власть Церкви происходит от Господа и Главы Церкви, Иисуса Христа. Получив Свою власть от Бога Отца, Христос по воскресении поделился ею, через Святого Духа, с апостолами (ср. Ин 20,22). Через апостолов она была передана епископам, их преемникам, а через них – всей Церкви. Господь наш Иисус Христос осуществляет эту власть разнообразными способами, посредством которых Царство Божие, вплоть до его эсхатологического исполнения (ср. 1 Кор 15,24-28), являет себя миру: Иисус учит (ср. Мф 5,2; Лк 5,3), творит чудеса (ср. Мк 1,30-34; Мф 14,35-36), изгоняет нечистых духов (ср. Мк 1, 27; Лк 4, 35-36), прощает грехи (ср. Мк 2,10; Лк 5,24), ведет Своих учеников путями спасения (ср. Мф 16,24). Согласно поручению, полученному от Христа (ср. Мф 28,18-20),

осуществление власти, присущей апостолам, а затем епископам, включает возвешение и преподавание Евангелия, освящение через таинства, особенно через евхаристию, и пастырское руководство верующими (ср. Лк 10,16).

13. Власть в Церкви принадлежит Самому Иисусу Христу, единственному Главе Церкви (ср. Еф 1,22; 5,23). Через Его Святого Духа Церковь как Его Тело приобщается к Его власти (ср. Ин 20,22-23). Власть в Церкви имеет целью собиране всего человечества в Иисусе Христе (ср. Еф 1,10; Ин 11,52). Власть, сопряженная с благодатью, полученной при рукоположении, – не частная собственность получающих ее и не полномочие, делегированное общиной, а дар Святого Духа, предназначенный для служения (*diakonia*) общины и никогда не выходящий за ее пределы. Реализация этой власти подразумевает участие всей общины: епископ пребывает в Церкви, а Церковь в епископе (ср. Св. Киприан, Ер. 66, 8).

14. Осуществление власти в Церкви, во имя Христа и силой Святого Духа, должно, во всех своих проявлениях и на всех уровнях, быть служением (диаконией) любви, подобно служению Христа (ср. Мк 10,45; Ин 13,1-16). Власть, о которой мы говорим, представляет собой выражение божественной власти и потому может иметь место в Церкви только как проявление любви между тем, кто наделен властью, и его подчиненными. Таким образом, это власть без господства, без физического или морального принуждения. Поскольку она есть сопричастность власти распятого и вознесенного Господа, Которому дана вся власть на небе и на земле (ср. Мф 28,18), она может и должна взывать к послушанию. В то же время, благодаря воплощению и кресту, она коренным образом отличается от власти, какой обладают главы народов и великие мира сего (ср. Лк 22,25-27). Конечно, власть в Церкви вверена людям, которые из-за слабости и греха часто подвергаются искушению злоупотребить ею, тем не менее в силу самой ее природы евангельское отождествление власти и служения есть основополагающая норма для Церкви. Для христиан править – значит служить. Поэтому осуществление и духовная действенность церковной власти достигаются через свободное согласие и добровольное сотрудничество. На индивидуальном уровне это претворяется в послушание церковной власти ради следования Христу, Который был с любовью послушен Отцу вплоть до смерти, и смерти крестной (ср. Флп 2,8).

15. Власть внутри Церкви основана на Слове Божиим, которое живо и присутствует в общине учеников. Писание – это откровенное Слово Божие,

как Церковь, Духом Святым, присутствующим и действующим в ней, восприняла его в живом Предании, полученном от апостолов. В сердце этого Предания находится Евхаристия (ср. 1 Кор 10,16-17; 11,23-26). Власть Писания проистекает из того факта, что оно есть Слово Божие; прочитываемое в Церкви и Церковью, оно передает Евангелие спасения. Через Писание Христос обращается к собравшейся общине и к сердцу каждого верующего. Церковь, через Святого Духа, пребывающего в ней, аутентично интерпретирует Писание, отвечая на нужды разных времен и мест. Неизменный обычай соборов – помещать Евангелия на почетное место в центре собрания – свидетельствуют о присутствии Христа в Его Слове (а это необходимая точка отсчета во всех соборных дискуссиях и решениях) и одновременно утверждает, что Церковь имеет власть толковать это Слово Божие.

16. В Своем божественном Домостроительстве Бог желает, чтобы структура Его Церкви была ориентирована на спасение. К этой сущностной структуре принадлежат исповеданная вера и таинства, совершённые в апостольском преемстве. Власть в церковном сообществе связана с этой сущностной структурой: осуществление власти регулируется церковными канонами и уставами. Некоторые из этих регулирующих документов могут применяться различно, согласно нуждам церковного сообщества в разные времена и в разных местах – при условии, что сущностная структура Церкви всегда сохраняется. Следовательно, как общение в таинствах предполагает единство в вере (ср. Барийский документ, 29-33), так для полного церковного единства необходимо взаимное признание нашими Церквями канонических законодательств с их законными различиями.

II. Тройственная актуализация соборности и власти

17. Указав на основы соборности и власти в Церкви и отметив сложное содержание этих терминов, мы должны теперь ответить на следующие вопросы: как институциональные элементы Церкви выражают видимым образом тайну койнонии и служат ей? Как канонические структуры Церковью выражают свою сакраментальную жизнь? Чтобы ответить на эти вопросы, мы провели разделение между тремя уровнями церковных институтов: уровень местной Церкви, объединенной вокруг епископа; уровень региона, включающего несколько соседних местных Церковей; уровень всей населенной земли (ойкумены), охватывающий все местные Церкви.

1. Местный уровень

18. Церковь Божия существует там, где есть община, объединенная Евхаристией, возглавляемая, прямо или через пресвитеров, епископом, который легитимно рукоположен в апостольское преемство и учит вере, полученной от апостолов, в единстве с другими епископами и их Церквями. Плод этой Евхаристии и этого служения – собрание, в подлинном единстве веры, молитвы, миссии, братской любви и взаимопомощи, всех тех, кто принял Духа Христова в Крещении. Это единство – рамки, в которых осуществляется вся церковная власть. Единство – критерий для ее осуществления.

19. Миссия каждой местной Церкви – быть, в силу благодати Божией, тем местом, где служат Богу, почитают Бога, где возвещается Евангелие, совершаются таинства, где верные стараются облегчить страдание мира и где каждый верующий может обрести спасение. Она – свет миру (ср. Мф 5,14-16), закваска (ср. Мф 13, 33), священническая община Божия (ср. 1 Петр 2,5 и 9). Канонические нормы, управляющие ею, нацелены на исполнение этой миссии.

20. Каждый крещеный, в силу того же Крещения, которое сделало его или ее членом Церкви, призван, согласно дарам единого Святого Духа, служить в общине (ср. 1 Кор 12,4-27). Так через единство, в котором все члены служат друг другу, местная Церковь уже оказывается «синодальной» или «соборной» по своей структуре. Эта «синодальность» проявляется не только в отношениях солидарности, взаимопомощи и взаимодополняемости, что устанавливают между собой различные рукоположенные служители. Конечно, пресвитерий – это совет епископа (ср. Св. Игнатий Антиохийский, К Траллианам, 3), а диакон – его «правая рука» (Учение апостолов, 2, 28, 6), чтобы, по рекомендации св. Игнатия Антиохийского, всё делалось согласованно (ср. К Ефесянам, 6). Однако синодальность относится и ко всем членам общины в послушании епископу, который есть первый человек (протос) и глава (кефале) местной Церкви, необходимый для церковного единства. В соответствии с восточным и западным преданиями, миряне (и мужчины, и женщины), монашествующие и посвященные Богу активно участвуют в епархиальной и приходской жизни в многочисленных формах служения и миссии.

21. Харизмы членов общины исходят от одного Святого Духа и направлены на благо всем. Этот факт проливает свет на требования и границы власти каждого человека в Церкви. Не должно быть ни пассивности, ни подмены функций, ни пренебрежения, ни господства одного человека над другим. Все харизмы и служения в Церкви сливаются воедино под руководством епископа, который служит единству местной Церкви. Все призваны к обновлению Святым Духом в таинствах и к ответу в постоянном покаянии (метанойя), чтобы обеспечено было их единство в истине и милосердии.

2. Региональный уровень

22. Поскольку Церковь оказывается кафолической в синаксисе (собрании) местной Церкви, эта кафоличность должна по-настоящему заявить о себе в общении с другими Церквями, которые исповедуют ту же апостольскую веру и имеют ту же базовую церковную структуру, начиная с тех, что близки друг другу в силу общей ответственности за миссию в своем регионе (ср. Мюнхенский документ, III, 3 и Валамский документ, 52 и 53). Единство Церквей выражается в рукоположении епископов. Это рукоположение преподается, согласно каноническому порядку, тремя (или более) епископами или по крайней мере двумя (ср. Никейский собор I, Канон 4), которые действуют от имени епископата и народа Божия, в свою очередь приняв служение от Святого Духа через возложение рук в апостольском преемстве. Когда это совершается в соответствии с канонами, сохраняется единство между Церквями в истинной вере, таинствах и церковной жизни, равно как и живое единство с прежними поколениями.

23. Такое действенное единство между несколькими местными Церквями, каждая из которых есть Кафолическая Церковь в определенной местности, отразилось в некоторых практиках, таких как: участие епископов, занимающих соседние престолы, в рукоположении епископа местной Церкви; приглашение епископа из другой Церкви сослужить на синаксисе местной Церкви; призыв к участию в евхаристической трапезе, распространенный на верных из других Церквей; обмен письмами по случаю рукоположения; предоставление материальной помощи.

24. Канон, принятый как на Востоке, так и на Западе, описывает отношения между местными Церквями региона: «Епископы каждой провинции (этнос) должны признать одного, первого (протос) между ними, считать его главой (кефале) и не делать ничего важного без его согласия (гноме); каждый

епископ может делать лишь то, что касается его собственной епархии (паройкия) и зависящих от нее территорий. Но первый (протос) ничего не может делать без согласия всех. Ибо таким образом восторжествует согласие (хомоноя), и Бог будет восхвален через Господа в Святом Духе» (Апостольский канон 34).

25. Эта норма, в нескольких формах появляющаяся в канонической традиции, применяется ко всем отношениям между епископами одного региона: между епископами провинции, митрополии, патриархата. Ее практическое применение можно найти на синодах или соборах провинции, региона или патриархата. Тот факт, что епископы составляют большинство на региональном синоде, даже если он включает других членов Церкви, обнаруживает природу синодальной власти. Только епископы обладают решающим голосом. Власть синода основана на природе самого епископского служения и демонстрирует коллегиальную природу епископата на службе единства Церквей.

26. Синод (или собор) сам по себе предполагает участие всех епископов региона. Синод руководствуется принципом консенсуса и согласия (хомоноя), который ознаменован совместным совершением Евхаристии, что подразумевается в заключительном наставлении вышеупомянутого Апостольского канона 34. Однако каждый епископ является судьей в сфере своего пастырского служения и отвечает перед Богом за дела в своей епархии (ср. Св. Киприан, Ер. 55, 21); таким образом, он – хранитель кафоличности своей местной Церкви, он всегда должен содействовать кафолическому единству с другими Церквями.

27. Отсюда следует, что региональный синод или собор не имеет никакой власти над другими церковными регионами. Тем не менее, обмен информацией и консультации между представителями нескольких синодов представляют собой проявление кафоличности, а также той братской взаимопомощи и любви, которая должна быть правилом в отношениях между всеми местными Церквями, ради большей общей пользы. Каждый епископ отвечает за всю Церковь вместе со всеми своими коллегами в одной и той же апостольской миссии.

28. Так несколько церковных провинций укрепили узы общей ответственности. Это был один из факторов, повлиявших на образование патриархатов в истории наших Церквей. Патриархальные синоды

руководствуются теми же эkkлeзиологическими принципами и каноническими нормами, что и провинциальные синоды.

29. В последующие века и на Востоке, и на Западе развились новые формы единства между местными Церквями. Новые патриархаты и автокефальные Церкви были основаны на христианском Востоке, а в Латинской Церкви недавно возникла особая модель группирования епископов, Епископские конференции. С эkkлeзиологической точки зрения, это не просто административные подразделения: они выражают дух единства в Церкви, в то же время уважая различие культур.

30. Фактически, региональная синодальность, каковы бы ни были ее контуры и ее каноническое устройство, показывает, что Церковь Божия – не сообщество людей или местных Церквей, оторванных от их человеческих корней. Поскольку это община спасения и поскольку это спасение есть «восстановление творения» (ср. Св. Ириней, Против ересей, 1, 36, 1), она принимает в себя человека со всем, что связывает его с человеческой реальностью, как она сотворена Богом. Церковь – не просто совокупность индивидов, она состоит из общин с разной культурой, историей и социальной структурой.

31. В местных Церквях, объединенных на региональном уровне, кафоличность раскрывается в истинном свете. Она есть выражение спасения, пребывающего не в недифференцированной вселенной, а в человечестве, как Бог сотворил его и приходит спасти его. В тайне спасения человеческая природа одновременно и раскрывается в полноте, и исцеляется от того, что привнес в нее грех через самодостаточность, гордость, недоверие к другим, агрессивность, ревность, зависть, лживость и ненависть. Церковная койнония – дар, соединяющий всё человечество, в Духе воскресшего Господа. Это единство, сотворенное Духом, отнюдь не вырождается в единообразие, но требует различий и особенностей, тем самым сохраняет их и, каким-то образом, усиливает.

3. Вселенский уровень

32. Каждая местная Церковь находится в единстве не только с соседними Церквями, но и со всей совокупностью местных Церквей, с теми, которые сейчас представлены в мире, с теми, которые были с самого начала, с теми, что появятся в будущем, и с Церковью уже прославленной. По воле Христа,

Церковь едина и неделима, одна и та же всегда и везде. Обе стороны исповедуют в Никео-константинопольском символе веры, что Церковь единая и кафолическая. Ее кафоличность объемлет не только разнообразие человеческих общин, но и их фундаментальное единство.

33. Поэтому ясно, что одну и ту же веру нужно исповедовать и воплощать в жизнь во всех местных Церквях, ту же единую Евхаристию следует совершать везде, то же апостольское служение должно быть представлено во всех общинах. Местная Церковь не может изменить Символ веры, сформулированный Вселенскими соборами, хотя Церковь всегда должна «давать надлежащие ответы на новые вопросы – ответы, основанные на Писании и пребывающие в согласии и по существу сохраняющие преемственность с прежними выражениями догматов» (Барийский документ, 29). Подобным же образом, местная Церковь не может односторонним решением изменить какой-либо фундаментальный пункт, касающийся формы священнического служения, и ни одна местная Церковь не может совершать Евхаристию в добровольном разделении с другими местными Церквями, не нанося серьезного ущерба церковному единству. Все эти вопросы затрагивают узы единства, а значит, само бытие Церкви.

34. Именно вследствие этого единства все Церкви с помощью канонov регулируют всё, что касается Евхаристии и таинств, священнического служения и рукоположения, передачу (парадосис) и преподавание (дидаскалия) веры. Понятно, почему в этой области нужны канонические правила и дисциплинарные нормы.

35. В ходе истории, когда возникали серьезные проблемы, затрагивающие вселенское единство и согласие между Церквями – проблемы с аутентичным толкованием веры, со священными служениями и их отношением ко всей Церкви или с общей дисциплиной, которой требует верность Евангелию, – созывались Вселенские соборы. Эти соборы были вселенскими не только потому, что собирали вместе епископов из всех регионов и в особенности епископов, восседающих на пяти важнейших престолах: в Риме, Константинополе, Александрии, Антиохии и Иерусалиме, согласно древнему порядку (таксис). Другая причина состоит в том, что их торжественные вероучительные решения и совместные формулировки, особенно по ключевым вопросам, обязательны для всех Церквей и всех верных, во все времена и повсюду. Вот почему решения Вселенских соборов остаются нормативными.

36. История Вселенских соборов показывает, каковы их особые характеристики. Эта тема требует дальнейшего изучения в нашем будущем диалоге, с учетом эволюции церковных структур в последние века на Востоке и на Западе.

37. Чтобы признать решения собора вселенскими, необходим процесс принятия, долгий или краткий, когда народ Божий как целое – размышляя, различая, обсуждая и молясь – распознаёт в этих решениях единую апостольскую веру местных Церквей, которая всегда остается неизменной и по отношению к которой епископы суть учителя (дидаскалой) и хранители. Этот процесс принятия по-разному интерпретируется на Востоке и на Западе, согласно их каноническим преданиям.

38. Поэтому соборность или синодальность подразумевает нечто большее, чем собрание епископов. Она охватывает и их Церкви. Первые хранят и озвучивают веру вторых. Решения епископов должны быть включены в жизнь Церквей, особенно в литургическую жизнь. Каждый Вселенский собор, воспринятый как таковой, в полном и собственном смысле, представляет собой, соответственно, проявление единства всей Церкви и служение этому единству.

39. В отличие от епархиальных и региональных синодов, Вселенский собор – не «институт», и частота его созывов не регулируется канонами; скорее это кайрос, «событие», вдохновленное Святым Духом, который руководит Церковью и порождает в ней институты, нужные ей и соответствующие ее природе. Эта гармония между Церковью и соборами столь глубока, что, даже после разрыва между Востоком и Западом, сделавшего невозможным созыв Вселенских соборов в строгом смысле слова, обе Церкви продолжали созывать соборы, когда возникали серьезные кризисы. На этих соборах сходились вместе епископы местных Церквей в общении с Римским престолом и, хотя это и понималось по-другому, с Константинопольским престолом. В Римско-Католической Церкви некоторые из этих соборов, прошедшие на Западе, рассматривались как вселенские. Эта ситуация, принуждавшая две части христианского мира созывать соборы по отдельности, способствовала разногласиям, внесшим вклад во взаимное отчуждение. Необходимо изыскивать средства, которые позволят восстановить вселенское согласие.

40. В первом тысячелетии, в обычном потоке событий вселенское единство Церковью поддерживалось благодаря братским отношениям между епископами. Эти отношения (между самими епископами, между епископами и первыми среди них (протой), а также между самими первыми среди епископов в каноническом порядке (таксис), о котором свидетельствует древняя Церковь) питали и укрепляли церковное единство. В исторической памяти остались консультации, письма, воззвания к главным кафедрам, особенно к Римскому престолу, как живое выражение солидарности, создаваемой койнонией. Канонические меры – такие, как включение имен епископов, занимающих главные кафедры, в диптихи и передача исповедания веры другим патриархам по случаю выборов – служат конкретными проявлениями койнонии.

41. Обе стороны считают, что этот канонический порядок (таксис) был признан всеми в эпоху неразделенной Церкви. Далее, они соглашаются с тем, что Римская Церковь, как «первенствующая в любви», по выражению св. Игнатия Антиохийского (К Римлянам, Пролог), занимала первое место в этом порядке и что поэтому епископ Рима был первым (протос) среди патриархов. Однако стороны по-разному интерпретируют исторические свидетельства той эпохи, касающиеся прерогатив Римского епископа как первого (протос) – эту тему уже в первом тысячелетии понимали по-разному.

42. Соборность на вселенском уровне, реализуемая на вселенских соборах, предполагает активную роль Римского епископа как первого (протос) из епископов, занимающих главные кафедры, в согласии с собравшимися епископами. Хотя Римский епископ не созывал вселенские соборы первых веков и никогда лично не председательствовал на них, тем не менее он был активно вовлечен в процесс принятия решений на соборах.

43. Первенство и соборность зависят друг от друга. Поэтому первенство на разных уровнях жизни Церкви – местном, региональном и вселенском – всегда должно рассматриваться в контексте соборности, а соборность, соответственно, в контексте первенства.

Что касается первенства на разных уровнях, мы утверждаем следующее:

1. Первенство на всех уровнях – это практика, твердо укорененная в каноническом предании Церкви.

2. При том, что и Восток, и Запад признают наличие первенства на вселенском уровне, есть различия в понимании того, каким образом это

первенство должно быть реализовано, и в понимании его библейских и богословских оснований.

44. В истории Востока и Запада, по крайней мере до IX века, был предусмотрен ряд прерогатив, обязательно в контексте соборности, согласно условиям эпохи, для протоса или кефале на каждом из установленных церковных уровней: на местном уровне для епископа как первого (протос) в епархии по отношению к его пресвитерам и народу; на региональном уровне для первого в каждой митрополии по отношению к епископам его провинции и для первого в каждом из пяти патриархатов по отношению к митрополитам в каждой области; на вселенском уровне для Римского епископа как первого среди патриархов. Такое разделение уровней не умаляет ни сакраментальное равенство всех епископов, ни кафоличность каждой местной Церкви.

Заключение

45. Нам предстоит глубже изучить вопрос о роли Римского епископа в общении всех Церквей. Какова особая функция епископа, занимающего «первую кафедру», в экклезиологии койнонии и с учетом сказанного в этом тексте о соборности и власти? Как нужно понимать и претворять в жизнь, в свете церковной практики первого тысячелетия, учение Первого и Второго Ватиканских соборов о вселенском первенстве? Вот вопросы, имеющие ключевое значение для нашего диалога и для наших надежд на восстановление полного единства между нами.

46. Мы, члены Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Римско-Католической Церковью и Православной Церковью, уверены в том, что вышеизложенное постановление о церковном единстве, соборности и власти представляет собой несомненное и значительное продвижение вперед в нашем диалоге и обеспечивает твердую основу для дальнейшего обсуждения вопроса о первенстве на вселенском уровне Церкви. Мы осознаём, что множество трудных вопросов еще нуждаются в прояснении, но надеемся, что, поддерживаемые молитвой Иисуса «да будут все едино... да уверует мир» (Ин 17,21) и в послушании Святому Духу, мы сможем продолжить строительство на фундаменте достигнутой договоренности. Вновь провозглашая и исповедуя «одного Господа, одну веру, одно крещение» (Еф 4,5), мы воздаем славу Богу в Святой Троице, Отцу, Сыну и Святому Духу, Который собрал нас вместе.

* [1] Православные участники сочли важным подчеркнуть, что использование терминов «Церковь», «вселенская Церковь», «неделимая Церковь» и «Тело Христово» в этом и в подобных документах, составленных Смешанной комиссией, никоим образом не подрывает представление Православной Церкви о себе как о единой, святой, вселенской и апостольской Церкви, о которой говорится в Никейском символе веры. У католической стороны такое же представление о себе: единая, святая, вселенская и апостольская Церковь «пребывает в Католической Церкви» (*Lumen Gentium*, 8); это не мешает признавать, что элементы истинной Церкви представлены и вне католической общины.

** Делегация Русской Православной Церкви покинула заседания Комиссии из-за возникших разногласий по поводу участия в богословском диалоге представителей Эстонской Апостольской Православной Церкви (Константинопольского Патриархата), поэтому подписание документа состоялось в отсутствие делегации.